

п 809.2.К М
1919 - 2-10

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>Ф. Назимин.</i>	Пролетарская культура и ее критики.
<i>А. Богданов.</i>	Очерки организационной науки. Ст. 2-я.
<i>И. Тишарзов.</i>	Ч. Дарвин и К. Маркс.
<i>В. Яковлевский.</i>	Познание в свете истории.
<i>О. Райнин.</i>	Рост Пролеткульта.
<i>А. Гастев.</i>	О тенденциях Пролетарской Культуры.
<i>А. Богданов.</i>	О тенденциях Пролетарской Культуры (ответ А. Гастеву).
..	О провинциальных Пролетарских университетах.
..	К закрытию Пролетарского университета.
<i>Хроника.</i>	В провинции. Отчеты.
<i>Библиография.</i>	М. Герасимов. „Завод весенний“ и „Цветы под огнем“. — В. Александровский. „Рабочий поселок“ и „Север“. — А. Поморский. „Цветы восстания“. — „Пролеткульт“. — Орган Екатеринославского Пролеткульта. — „Пролеткульт“. — Орган Тверского Пролеткульта. — „Труд и Творчество“. — Еженедельник Смоленского Пролеткульта.

№ 9 — 10.

Июнь — июль 1919 г.

Издание Всероссийского Совета Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций.
МОСКВА.

О тенденциях пролетарской культуры.

(Ответ А. Гастеву).

1. Вопрос о пролетарской культуре нельзя решать слишком просто: это сложный и трудный вопрос.

2. Его следует решать на основе живой действительности, путем исследования тенденций развития.

Вот положения, для нас вполне бесспорные, нами всегда, проводившиеся, и которые только по странному недоразумению тов. Гастев выдвигает как нечто новое.

3. Решать этот вопрос следует всецело исходя из техники производства, из его „тончайшего молекулярного анализа“.

Так пытается решать его тов. Гастев. Здесь начинается наше расхождение с ним. Мы полагаем, что исследование нарождающейся культуры следует вести, исходя в первую очередь из условий техники, но не всецело из них, не только из них. Третье положение противоречит второму: оно берет не всю живую действительность с ее тенденциями, а только часть ее, одну сторону. Технический процесс производства есть основа социальной жизни, но не вся эта жизнь. Пролетариат живет трудом, но не исключительно в труде: он живет также в сфере экономических отношений к капиталу и рынку, как продавец рабочей силы и покупатель предметов потребления. Он живет также в сфере возникающей отсюда политической, а затем и „культурной“ борьбы, в узком смысле слова. Пролетарская жизнь есть целое, и надо исследовать ее в целом, а не вырывать кусок, хотя бы и очень важный, основной. Здесь Гастев хочет решать вопрос чересчур „просто“,—значит, как видим, вступает в противоречие и с первым своим положением.

4. Металлургия Нового Света, автомобильные и аэропланые фабрики Америки и Европы и, наконец, военная промышленность всего земного шара нового мира—вот новые гигантские лаборатории, где создается психология, где фабрикуется культура пролетариата“. Это „надо принять как аксиому“, повторяет затем Гастев.

И на это мы не согласны. Решение вопроса становится еще более „упрощенным“. Вместо целой живой действительности берется уже не одна ее сторона, а кусок этой ее стороны. И берется без анализа. Механическое производство в общем можно признать передовым: научная техника, концентрирующая гигантскую сумму накопленного опыта, огромная концентрация живой рабочей силы. Но разве ниже по научно-технической прогрессивности, напр., химическая индустрия Германии? А затем, насчет „всей военной промышленности земного шара“ следовало быть много осторожнее, именно со времени мировой войны. Дело в том, что „промышленная мобилизация“, с необыкновенным расширением военной индустрии, втянула в нее огромную массу отсталых элементов, по всему прошлому не пролетарских, а мелко-буржуазных и крестьянских. Коренной пролетариат всюду был сильно разбавлен, а во многих случаях прямо-таки затоплен ими. Сразу стать „культурным авангардом“ рабочего класса они, конечно, не могли. Напротив, как раз отсталостью этих масс определились некоторые организационные особенности самой военной индустрии, в том числе, как увидим, одна важнейшая, по мнению Гастева, тенденция.

Итак, уже в исходных пунктах нашего критика есть несомненные ошибки и противоречия. Но, прежде чем проследить, как они на деле приводят его к ложным выводам, нам надо остановиться на одной скрытой ошибке, свойственной не одному Гастеву, на ложной предпосылке, которая бессознательно принимается в наше время огромным большинством людей. Это—смешение трех глубоко-различных организационных понятий: „планомерная организация“, „регулирование“, „нормирование“.

Гастев, несомненно, разделяет нашу основную идею относительно „культуры вообще, классовой или не классовой: именно, что она сводится к *совокупности методов и средств организации социальной жизни людей*. Согласится он, вероятно, и с тем, что пролетарская культура идет в направлении *планомерной организации жизни*, сначала самого класса, затем всего общества. Но что такое эта *планомерная организация*?

Когда в Германии был широко проведен государственный капитализм, то многие—вероятно, почти все—экономисты рассматривали его, как „*планомерную организацию*“ экономики общества, проведенную буржуазией в ее интересах. На самом же деле это была далеко еще не *планомерная организация*, а только *регулирование*, в наибольшей же части и того меньше—всего лишь *нормировка*.

Через широкую и глубокую реку требуется построить мост. Постройка „*планомерно организуется*“ инженерами. Что сюда входит? Сначала исследование местных условий, т.-е. приобретение новых, относящихся к задаче данных. Затем составление и разработка плана, т.-е. комбинирование этих данных с накопленным раньше техническим опытом при помощи научных методов. Затем подбор соответственных работников, приобретение материалов, орудий, целесообразное распределение всех этих элементов производства. Наконец, сообразное с планом выполнение самого дела. Можно ли охватить такую совокупность организующих актов одним понятием „*регулирования*“? Конечно нет.

Регулирование—это только „упорядочение“ того, что делается, внесение правильности в идущий процесс работы. Глубже лежит вся *творческая* сторона процесса, которая и есть его основа. Ее можно обозначить, как „комбинирование“ разных элементов процесса—взявши термин в самом широком значении: комбинирование данных опыта в стройный план живых и мертвых элементов производства в *цельную действенную группировку*.

Когда этим путем создан план и реально собраны воедино все условия его выполнения, тогда „дело“ идет этап за этапом к своей цели: организованной системе вещей, называемой мостом. В самом ходе дела возникают несогласованности и противоречия. Напр., рабочие, исполняющие одну операцию, не поспевают за другими, которые ведут другую, технически предшествующую или последующую; у иных обнаруживается нерасчетливость в обращении с материалом, или неосторожность с машинами; некоторые служащие вызывают недовольство и протест подчиненных, чем нарушается ход работы; какие-нибудь доставленные машины оказываются по величине полезного действия ниже, чем предполагалось, какие-нибудь строительные материалы не с теми коэффициентами сопротивления, что значились в проекте и по договорам с поставщиками, и т. под. Тогда выступает на сцену второй момент организационного процесса: „регулирование“. Оно устраняет противоречия, вносит необходимую согласованность во взаимоотношения разных живых и мертвых факторов, изменяет для этого их пропорции, темп работы, отбрасывает негодное, и т. д. Оно не создает, а исправляет то, что уже есть; оно само по себе не инициативно, а только следует за событиями, за требованиями, которые предъявляет ход дела. Оно подобно судебному приговору, который не предотвращает преступления, но восстанавливает нарушенный им порядок.

Самый характер регулирования бывает различен. Здесь представляется два типических случая: „индивидуализация“ и „нормирование“. В первом согласование вырабатывается специально для *тех данных* условий, которые вызвали вмешательство регулирующей активности; напр., выяснив, насколько рабочие одной функции отстают от рабочих другой, с нею связанной, соответственно увеличивают число первых или уменьшают число вторых; устраняют инженера, которым рабочие недовольны; перевычисляют и изменяют размеры некоторых частей постройки сообразно найденным на деле коэффициентам сопротивления материалов, и т. п. Во втором случае ограничиваются применением какой-нибудь „нормы“, которая должна служить для всех случаев подобного рода;

напр., рабочим предписывается определенный дневной „урок“, с требованием, чтобы они его выполняли или увольнялись; на выражение недовольства отвечают штрафами и предложением подчиняться или уходить; материалы постановляют принимать только вполне соответствующие первоначальным предположениям, а в противном случае отсылать их обратно. Словом, это—регулирование по шаблону.

Не надо думать, что творческий организационный момент относится только к началу процесса, в нашем примере—технического предприятия. Нет, в разной степени, он играет роль и на дальнейших стадиях. Во-первых, если в ходе дела обнаружится много новых, не предусмотренных обстоятельств, или иэвне жизнь предъявит новые потребности, то может понадобиться пересмотр выработанного плана, реорганизация всей системы; напр., выяснится очень быстрый экономический рост окружающего района, и возможность того, что мост должен будет вскоре обслуживать гораздо более широкий транспорт; или вероятность того, что он понадобится для стратегических целей, и т. под. В любом капиталистическом предприятии этот момент выступает во всяком расширении производства, при всяком техническом или организационном усовершенствовании, при введении новой машины, а также когда предприятие приспособляют для выделки нового продукта, и т. д. Вообще, в *развивающейся* системе он имеется постоянно, и есть именно двигатель развития.

Во-вторых, творческий момент, хотя и в ослабленной степени (без характера инициативы) сопровождается и большеиство случаев регулирования, особенно там, где применяется индивидуализация: тут прежде всего комбинируются данные и делаются выводы, и результат является частично-новым, если не в качественном, то в количественном смысле. То же относится и к нормировке в ее *начальной* фазе, когда норма вырабатывается: это акт комбинационного, созидательного характера. В дальнейшем, когда норма или шаблон только применяется, творческий момент уменьшается до ничтожной величины, и регулирующий акт становится просто механическим¹⁾.

В деле планомерной организации сторона инициативно-творческая, очевидно, является по преимуществу *человеческой*, всего меньше может передаваться мертвому механизму, всего больше зависит от культуры работника—от суммы его опыта и знания, от навыка в применении методов, от гибкости нервно-психического аппарата. Напротив, сторона регулятивная, а особенно регулирование по нормам, по шаблонам, несравненно меньше связана с этими условиями; путем технического упрощения, путем дробления на отдельные, частичные операции, она доводится в массе случаев до такой элементарности, что легко передается сначала не—квалифицированному и мало-культурному работнику, а затем даже машине.

Именно об этом шаблонном регулировании говорит Гастев следующее: „Технический контроль теперь становится, как это ни странно, привилегией самых неквалифицированных рабочих. Мало того, в дальнейшем технический контроль эволюционирует так, что контролируют уже не чернорабочие а специальные механизмы, инструменты, машины“...

Но когда это приводит его к выводу о „машинизированной системе трудового управления“, о том, что „*машины из управляемых переходят в управляющие*“ (он сам подчеркнул это курсивом),—то для нас уже должно быть ясно, что он впал в недоразумение. Если, напр., рабочий вытаскивает стальные шарики, а контрольная машина отбрасывает в сторону те из них, которые

¹⁾ Стихийные организационные процессы природы не по существу отличаются от планомерных, выполняемых человеком: те и другие подчинены общим закономерностям. Исследуя их в „Технологии“ (организационной науке), я обозначил инициативно-творческий момент тех и других словом „конъюгация“, регулирующий—термином „подбор“; оба термина взяты из биологии, которая среди частных наук ближе всех подошла к общим организационным вопросам. „Конъюгация“ есть универсальный формирующий механизм; она создает новое путем соединения того, что есть; „подбор“—всеобщий регулирующий механизм, который из этих новых формирований сохраняет один приспособленный к их среде, разрушает другие, неприспособленные к ней.

отклоняются от нормальной величины диаметра, или имеют царапины, неровности, то это далеко еще не значит, что машина стала „управляющим“, т.-е. организатором производства. Он смешал организаторскую функцию вообще с ее высшей ступенью — шаблонно-нормировочной. А где же вся главная инициативно-творческая сторона, и где даже высшие формы регулирования, с индивидуализацией условий?

Во многих машинах давно имеются регуляторы силы пара, силы тока, скорости движения, и пр. Когда такой регулятор поставлен, положим, на известное число оборотов в секунду, то понятно, что тем самым „регулируется“ затем и внимание рабочего, и темп его действий. Но значит ли это, что машина им распоряжается? Он должен быть, поистине, фетишистом, чтобы так воспринимать факты. Пусть он не сам установил норму скорости машины; но он знает, что она установлена другими участниками производства, на основании коллективно-трудоого опыта, воплощенного в науку. Таким образом мнимая власть машины является для него — если он не фетишист — лишь выражением его организационной связи с другими людьми, и даже с другими поколениями, опыт которых мог быть учтен в данной норме. Если другие, установившие норму, социально-чужды ему, не принадлежат к его товарищескому коллективу, — пусть это буржуазно-инженерская интеллигенция, — то он ощущает над собою власть, но не власть машины, а враждебно-классовую; она будет тогда порождать в нем идеологию борьбы, а не идеологию „нормализации“, как полагает Гастев.

Но он ссылается на те „нормировочные тенденции“, которые идут уже из самого рабочего класса. Они, по словам Гастева, обозначались в западноевропейском пролетариате, особенно английском, еще тогда, когда „современный машинизм не развернулся так широко“, еще „на заре рабочего движения“. Отразились они и в России. На первом плане Гастев ставит „нормы выработки“, борьба за которые объединила рабочих всей России во время революции. Они отнюдь не просто преследовали цель нарочитого организованного понижения производительности. „Нет, они в своем роде представляли классовую гордость пролетариата“. В своем развитии эта нормировочная тенденция „обещает невиданную старым миром классовую претензию пролетариата — работать не только в пределах своей нации, но и на всем земном шаре *совершенно одинаковым темпом*“.

Поразительно, до какой степени предвзятая идея мешает ясности взгляда, беспристрастности исследования. Самые различные вещи смешиваются воедино, когда они внешним образом подходят под заранее принятую схему. И еще тот же Гастев без малейшего одобрения называет меня „схематиком“!

Всякому экономисту и многим даже неэкономистам известно, что „нормировочные тенденции“ английских трэд-юнионов „на заре рабочего движения“ были прежде всего *пережитком* предшествующей ремесленно-цеховой регламентации. Оттого в этих нормировках было так много бесспорно-реакционного. И видеть в них тенденцию пролетарской культуры!

Иного характера борьба за нормы выработки, напр., у нас в революционную эпоху, при обострении классовой борьбы. Эти нормы устанавливаются не по среднему рабочему, а ниже среднего, чтобы не выбрасывать за борт значительную долю работников. По этому они способны „организованно понижать производительность“, и Гастеву приходится их оправдывать „классовой гордостью“, в форме „претензии на одинаковый темп работы“. Для трудового класса, стремящегося взять в свои руки всю организацию производства в целях высшего прогресса, такая невыгодная для производительности „гордость одинакового темпа“ может показаться странной. Но она имеет свои, *временные* основания. Где всего важнее и нужнее „одинаковый темп?“ В армии. Для чего он требуется? Для сплочения боевой массы. „Нормы выработки“ знаменуют коллективизм не труда, а социальной борьбы, служат не для технического прогресса, а для победы. Очевидно, это лишь временная и частичная

тенденция. Строить на ней пролетарскую культуру, значит—впадать в „консерватизм“, который так любезно тов. Гастев мне всецело уступает.

Но,—говорит он,—кормировочная тенденция совпадает с общей тенденцией развития машинизма. Недаром „война с ее массовым нормализованным производством“ закрепила торжество III тарифного типа приведенных таблиц. Это тип „массовой работы, лишенной какой бы то ни было печати“, где господствует „один пронизывающий метод—метод резца и шестерни“. И далее: „Это именно тот тип, куда идет деклассификация высших и квалификация низших типов. Он характеризуется высшей степенью *машинизации* труда, его *нормализованностью*, *объективизмом* работы, чуждой всяких индивидуальных эффектов, и наконец, *точностью* самой работы“. Действительно, если месяц за месяцем точить, в сотнях тысяч, в миллионах, шрапнельные трубки или патронные гильзы одного и того же калибра, какие уже тут индивидуальные эффекты! Но это ли идеальный тип работника?

III тип до войны, т. е. в более нормальных условиях производства, был мало распространен; а война его страшно размножила. Почему? Потому что потребовалось сразу в сотни раз увеличить производство шаблонных элементов истребительной техники: патронов, снарядов, винтовок, полевых орудий, и пр. Были привлечены массы не-пролетарского, городского и сельского населения, без навыков индустриальной техники, без пролетарского заводского воспитания. Приспособить их к новому делу в кратчайший срок было возможно только путем полного сведения работы к шаблонам, путем крайней „нормализации“. Что же этот неизбежный на время способ обработки отсталых, непролетарских рекрутов военной промышленности предопределяет линию развития пролетарской культуры в целом? Было бы слишком печально, если бы это было возможно. К счастью, для этого нет никаких оснований. Ито милитаризма, всюду, а не только в казарме, механизующего людей, будет и здесь в свое время сброшено пролетариатом.

С неуклонной последовательностью, которая заслуживала бы лучшего применения, тов. Гастев делает, поистине, грозные выводы:

„Социальное нормирование в недрах рабочего класса чувствуется не только в области чисто трудовой жизни, но проникает во весь социальный уклад, во весь быт... Постепенно расширяясь, нормировочные тенденции внедряются в боевые формы рабочего движения: стачки, сабатаж,—в социальное творчество, питание, квартиры, и наконец, даже в *интимную жизнь, вплоть до эстетических, умышленных и сексуальных запросов пролетариата*“ (Курсив мой. А. Б.).

Эта чудовищная аракчеевщина есть, конечно, порождение не производственного коллективизма, а милитаристической муштровки.

И еще вывод—о „величайшей стихийности пролетарского мышления“, соединенной с „поразительной анонимностью“, позволяющей квалифицировать отдельную пролетарскую личность как каким-нибудь номером или буквой. Он пытается уверить, что это не обыкновенная стихийность, „шальная, слепая“, а какая-то иная, высшая. Но увь!—вот картина, которую сам он тут же рисует: „мощные грузные психологические потоки, гуляющие из края в край мира“, с психологическими „включениями, выключениями, замыканиями“... Это именно картина так называемых „панических массовых настроений“, с резкими переходами от подъема к упадку, от боевого порыва к покорной сдаче или безумному бегству. Это — не коллектив, это всего лишь толпа, или даже стадо.

Гастев недаром отказывается характеризовать пролетарскую культуру ее коллективизмом. Это, по его мнению, ничего не выясняет. „Коллективы-артели, коллективы-коммуны, коллективы религиозные, политические, социальные... Их было тысячи“,—говорит он.

Да, их было тысячи; и потому надо исследовать, тов. Гастев, а не просто отмахиваться. И от этих тысяч надо перейти к тому единому, пролетарскому трудовому коллективу, который и создает, сперва стихийно, а

потом все более сознательно, новую культуру. И когда „схематик“ исследовал, то оказалось вот что.

Пролетарский коллектив отличается и определяется особой организационной связью, которая называется *товарищеским сотрудничеством*. Это такое сотрудничество, в котором организаторская и исполнительская роль не разведены, а связаны в общей совокупности работников, так что нет властного авторитета и не рассуждающего подчинения, а есть общая воля, которая решает,— и участие каждого в выполнении общего дела. Где же работа требует прямого руководства отдельного лица, там вместо авторитета и власти выступает товарищески признаваемая компетентность; и тот, кто в одном деле был инструктором, в другом может сейчас же следовать указаниям товарища, которым только что руководил: организатор и исполнитель часто меняются местами. Это кажется „парадоксом современной специализации“ тов. Гастеву, который отмечает возможность того, что установщик III типа будет инструктировать токаря II или даже I типа; но это давно отмеченная в „схемах“ черта новейшего сотрудничества.

Исследование трудового коллективизма, действительного принципа пролетарской культуры, велось не на основе „элементарной теории классовой борьбы и теории вооруженного восстания“. Оно исходило из трудовой техники машинного производства. В этом сам Гастев только последовал по намеченному до него пути.

В ряде работ было показано, как машина порождает и вынуждает новый тип труда, совмещающий особенности организаторского и исполнительского, как при этом возрастает все более основная однородность труда рабочих и преодолевается разъединяющая сила специализации, как новые технические условия ведут ко все более широкому нервно-психическому прогрессу рабочей силы, к повышению культурного уровня пролетария. Правда, все это опирается не на опыт мобилизованной промышленности, его тогда и не было, лет за 15 до мировой войны. Но имелся опыт более, чем векового развития машинного производства в нормальных, мирных условиях, и временная обстановка нескольких лет, созданная разрушительными задачами, не может подорвать сделанных выводов.

Напротив, совершенно неверным следует считать вывод Гастева о неизбежном поглощении I и II рабочего типов, типов артистической тонкости и инженерски-разносторонней умелости, обезличенно-механичным III типом. Это—тип только *средний*, и только для определенного момента, а вовсе не тип *нормальный*. Совершенно непонятно, почему высшие типы должны „декалфицироваться“, т. е. принижаться к нему. Наоборот, прогресс и усложнение машин вместе с культурным ростом работников должны мало-по-малу возвышать этот тип до нового уровня, сливающего технически-артистическое чутье с универсальной технической умелостью. В коллективе связь создается основной однородностью типа, дающей глубокое взаимное понимание; но единица в нем ценна не „безличностью“, а напротив, „индивидуальностью“, которая отнюдь не означает индивидуализма, а означает своеобразие личного опыта и способностей, благодаря которому все единицы дополняют друг друга в целом.

Гастев не видит, насколько противоречит обезличенной „нормализованной“ механичности та „социальная конструктивность“, в которой он справедливо усматривает важную тенденцию пролетарской культуры. Где уж там безлично-механическому исполнителю „впитать в свою психику весь грандиозный монтаж предприятия“!

А между тем для широкой „социальной конструктивности“ требуется „впитать“ не только этот монтаж отдельного предприятия. И потому наше исследование на нем не остановилось.

Техника отдельного предприятия, как бы оно ни было грандиозно, способна связать воедино только рабочих этого предприятия. Она не может сама по себе дать связи классового пролетарского коллектива, а следовательно и служит исключительной основой пролетарской культуры.

Товарищеское сотрудничество, которое зарождается и углубляется в рамках мастерской, завода, расширяется и выходит из этих рамок в социальной борьбе. Связь общего экономического положения, общих интересов оформляется и развивается дальше в рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, политических, а затем и культурных.

Это надо помнить, а не игнорировать, как делает тов. Гастев, говорящий по этому поводу о „грубой дедуктивности, взятой напрокат из агитационных брошюр“. Он слишком „упрощает“ и самый вопрос, и свои расчеты с другой стороны.

В его упрощенных схемах есть еще одна сторона, скрытая, но страшно важная. За его коллективом, созданным по образу и подобию отсталых масс, втянутых в индустрию ее мобилизацией, невидимо чувствуются руководящие авторитеты.

В самом деле, способна ли эта масса механизированных безличностей, в головах которой „из края в край гуляют“ хотя бы очень „грузные и мощные психологические потоки“,—способна ли она—этот III тарифный тип—взять на себя *планомерную организацию производства* во всей широте и в мировом масштабе? Конечно, нет. Требовать той или иной нормировки¹, соглашаться на те или иные нормы, это — да. Но где ей взять художественно-научное творчество и инженерски точный расчет для строительства и прогрессивного развития стройного мирового аппарата, технического и экономического? Эта главная, самая трудная сторона дела планомерной организации—не для нее. Очевидно, это будет даваться откуда-то со стороны. Раскроем скобки: останется социальная группа не обезличенного, полного оригинальности и талантов, ученого *инженерства*, которое будет брать на себя инициативу и вести общее руководство над анонимно-стихийным коллективом, при случае считаясь с „замыканиями и размыканиями“, гуляющих в нем потоков, но в общем умело их направляя. Это неизбежный вывод, ибо вопроса о сближении, а затем слиянии обоих типов—инженерской и исполнительской рабочей силы—Гастев даже не ставит¹).

Вот что в действительности скрывается за верой в „механизированный“ коллектив, за фетишизмом „машин, управляющих людьми“.

Итак, попытка Гастева включает в себе глубокие ошибки. Но мы не считаем ее „жизненно-бесплодной“, как он любезно характеризует всю нашу работу, и не будем искать в ней „консерватизма восточной философии“ (откровенно говоря, и не понимаем, что он под этим разумеет).

Серьезные искания могут вести и к ошибкам; но даже тогда они не бесплодны, даже тогда помогают выяснению дальнейшего пути.

До сих пор мы имели дело не с такими критиками. Перед нами проходили те „скептические“ рассуждения о том, что куда уж бедному, забитому пролетариату строить свою культуру,—хоть бы ему только понять, как следует, свои пятачковые интересы; то иронические замечания о „пролетарской геометрии“ со стороны, большей частью, людей не знающих ни геометрии вообще, ни ее социально-исторического развития.

Тов. Гастев суров в своей критике, и, как мы показали, несправедлив. Но он старается исследовать и дать решение вопроса, исходя из положительных основ. Ему повредил недостаток „лабораторной осторожности“; но его попытка все же—материал для дальнейших шагов.

Идея пролетарской культуры не исключает ни критики ни полемики; но и их она делает формой товарищеского сотрудничества. Будем же дальше исследовать и развивать работу!

А. Богданов.

¹ Этот вопрос рассматривается в главах о коллективистическом строе трех моих курсов политической экономии—„Начального“, „Краткого“ и курса, составленного вместе со Степановым (II том, выпуск 4-ый). Последняя была раньше напечатана в „Вопросах социализма“, Москва, 1918, статья первая).